

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРЫ МИРА И КУЛЬТУРЫ ДЕМОКРАТИИ КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА ОБНОВЛЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

Александр Капто*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-2-43-14-24

***Введение.** В статье исследуется демократия как индикатор «качества» культуры мира, концептуальные основы которой определены в документах ООН и ЮНЕСКО. Раскрывается внутренняя органичность, взаимозависимость и взаимообусловленность культуры мира и демократии. Рассмотрение мира, развития и демократии не в автономном плане, а в качестве составных частей единого целого обеспечивает целостный подход к концепции «культуры мира».*

Культура демократии – один из важнейших факторов строительства культуры мира. Конец XX в. Многие политики и аналитики по праву назвали «временем демократий», так как демократия, вовлекая в свою орбиту все большее число государств, выступает ныне в качестве процесса мирового масштаба.

***Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания политических и социальных явлений и процессов: метод системно-структурного анализа, метод синтеза социально-правовых явлений, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод, статистический метод.*

***Результаты исследования.** В становлении культуры мира исключительно важна роль государства, которое несет главную ответственность за обеспечение уважения и защиты прав человека и основных свобод, за утверждение демократических принципов и достижение гармонии в отношениях между обществом, человеком и окружающей средой, за утверждение созидательного сотрудничества между всеми партнерами гражданского общества.*

Демократизация представляет собой сложный и хрупкий, нередко в высшей степени малоуправляемый процесс, в котором чередуются демократический романтизм и угрюмая жесткая лжедемократия, поступательное продвижение и обескураживающее отступление, острые противоречия между политическими и социально-экономическими правами, между свободой и справедливостью.

Не всегда эффективной является и прямая демократия в форме референдумов, так как в обществах с неустоявшимися демократическими традициями, неотлаженными демократическими механизмами, конфронтацией между законодательной и исполнительной властью и слабой политической культурой граждан постоянно проявляется рецидив антидемократии, который может исходить и от действующих органов власти, и от руководства политических партий, и от средств массовой информации, какими бы самостоятельными и объективными они себя не считали.

* Капто Александр Семенович, доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам, заведующий отделом политического анализа и стратегических оценок Института социально-политических исследований РАН.

Обсуждение и заключения. Демократия, основанная на системе ценностей, соединяющих миролюбие и гражданскую ответственность, воздействует плодотворно на «культуру мира» и благодаря воспитанию у людей толерантности – неагрессивному поведению, антиподу насилия. Цементирующим фактором формирования такой поведенческой модели выступают демократическая гражданственность, согласие и социальное примирение, основанные на чувстве ответственности и главенстве общего интереса.

Культура демократии – один из важнейших факторов строительства культуры мира. Конец XX в. многие политики и аналитики по праву назвали «временем демократий», так как демократия, вовлекая в свою орбиту все большее число государств, выступает ныне в качестве процесса мирового масштаба. Все большее и большее число народов отказывается от старых, замкнутых форм жизни и стремится быть истинным кузнецом своей судьбы, быть самостоятельными и свободными. Утверждающиеся принципы культуры демократии – верховенство права, эффективные государственные учреждения, транспарентность и подотчетность в ведении государственных дел, уважение прав человека, участие всех граждан в принятии решений, затрагивающих их жизненные интересы. Но, покончив в XX в. с абсолютными монархиями и колониализмом, человечество не сумело распространить на весь мир подлинную демократию. И заслуживают поддержки мирового сообщества такие устремления, когда народ не ограничивается требованием самостоятельности, а завоевывает ее, опираясь, прежде всего на демократический потенциал общества.

В этих условиях демократия является своеобразным индикатором «качества» культуры мира. На формирование концепции «культура мира» огромное воздействие оказали основополагающие положения Всеобщей декларации прав человека о том, что «...признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных неотъемлемых их прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира», и что в ней провозглашается, среди прочего, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность», что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и сво-

боду искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ», что «каждый человек имеет право на образование... Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми или религиозными группами и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира» [1. Преамбула, статьи 3, 19, 26].

Как способ аутентичного управления и как гражданская ценность, демократия укрепляет социальное единение и служит мощным инструментом предотвращения конфликтных ситуаций, ликвидации социальной отчужденности, дискриминации, обеспечения справедливого устойчивого и долговременного развития. Под воздействием осуществляемых международных миротворческих программ все больше и больше ширится круг людей, осознающих, что власть, опирающаяся на силу и насилие, неэффективна и не пользуется авторитетом в обществе. Власть же, основанная на соблюдении прав человека, широком участии в общественных делах, консенсусе и на ненасильственных социальных преобразованиях пользуется мощной поддержкой в разных слоях общества. Благодаря демократии, торжеству силы права над правом силы, неукоснительному соблюдению прав человека стало возможным максимально использовать в миротворческом процессе богатейший потенциал разнообразных социальных механизмов.

Культура мира, как отмечается в Стратегии ЮНЕСКО на 1996 г., предлагает наряду с другими факторами также «консолидацию демократического процесса, поскольку только демократия может обеспечить под-

чинение права отдельного человека норме закона, а также уважение всех прав». Демократизация и соблюдение прав человека, ставшие в современных условиях в центре развития – наиболее существенные из всех происшедших после окончания холодной войны сдвигов в представлениях о развитии. Они являются гарантом гармоничного сочетания индивидуальных и коллективных чаяний, воплощающихся в социальном примирении, согласии на национальном уровне и миролюбии, миротворчестве в глобальном, общепланетарном масштабе. Концепция культуры мира исходит из признания важной взаимосвязи между миром и уважением прав человека, а также моральной и этической приверженности миру в качестве общего принципа деятельности по продвижению дела культуры мира.

В становлении культуры мира исключительно важна роль государства, которое несет главную ответственность за обеспечение уважения и защиты прав человека и основных свобод, за утверждение демократических принципов и достижение гармонии в отношениях между обществом, человеком и окружающей средой, за утверждение созидательного сотрудничества между всеми партнерами гражданского общества [2].

Взаимосвязь «культуры мира» и демократии внутренне органична, взаимозависима и взаимообусловлена. С одной стороны, демократия – это гарант всеобщего мира, так как миротворческий процесс просто немислим в условиях отсутствия соответствующих демократических предпосылок, которые обеспечиваются как национальными государствами, так и объединенными усилиями наций через международные организации (ООН, ЮНЕСКО), региональные миротворческие структуры, специализированные международные гуманитарные организации. А с другой – сам миротворческий процесс в свою очередь выступает мощным стимулятором в расширении демократического плацдарма во всех сферах жизни мирового сообщества; именно миролюбие, толерантное поведение граждан и государства в целом является залогом того, что острые социальные противоречия и конфликты решаются не силовыми методами, а благодаря конструктивному диалогу и терпеливому поиску конфликтующими сторонами мирного решения всех проблем [3]. Целостный подход к концепции «культура мира» заключается в том, что мир, развитие и демократия рассматриваются не в автономном плане, а как составная часть единого целого.

Демократизация представляет собой сложный и хрупкий, нередко в высшей степени малоуправляемый процесс, в котором чередуются демократический романтизм и угрюмая жесткая лжедемократия, поступательное продвижение и обескураживающее отступление, острые противоречия между политическими и социально-экономическими правами, между свободой и справедливостью. В таких случаях дают о себе знать неясность перспектив перехода к более высокому качественному уровню преобразований, разрыв между необходимостью шлифовать новые политические институты и осуществлять неотложные экономические задачи, развязывать сложнейшие геополитические узлы. Непоправимый вред демократии наносят и демагогия популистских лидеров, жонглирующих привлекательными лозунгами для удовлетворения своего политического честолюбия и эгоизма. Поэтому бывают случаи, когда даже после падения авторитарного строя наступает развешивающее фундамент еще неокрепшей демократической гражданственности разочарование.

Решающим в воздействии демократии на миротворческий потенциал общества является определение того, что же вкладывается в каждом конкретном случае в это понятие. Ведь после провозглашения в конституциях абстрактных суверенных прав народа, после деклараций о том, что власть функционирует во имя народа и его блага, как правило, власть переходит в руки избранных народом правителей, действующих уже от имени народа и являющихся до очередных выборов фактическими носителями суверенитета нации, гарантом национальной безопасности, проводником внешне- и внутривнутриполитического курса. Нередки также случаи, когда в условиях неразвитых демократий упор на универсальность права на свободу, в конце концов, даже усугубляет отставание, ибо горячее желание свободы не корреспондируется ни с реальными правовыми механизмами, ни с заранее установленными канонами. И культурный фактор в данном случае отрицательно проявляется в том, что гражданин, не испытывающий почтения к демократическим ценностям, как бы добровольно отрешает себя от свободы, сужает свои гражданские параметры. Более того, практически повсеместно потеряла силу идея обязательного наказа избирателей (первым образцом является обязательный наказ французских депутатов, направивших в 1789 г. королю в Версаль свои жалобы), в

результате чего представители граждан, избранные в тот или иной орган власти, фактически не имеют четко оформленного поручения на весь период своей деятельности и строят свои отношения с избирателями на основе предвыборных обещаний и доверия, полученного после завершения выборной кампании.

Не всегда эффективной является и прямая демократия в форме референдумов, так как в обществах с неустоявшимися демократическими традициями, неотлаженными демократическими механизмами, конфронтацией между законодательной и исполнительной властью и слабой политической культурой граждан постоянно проявляется рецидив антидемократии, который может исходить и от действующих органов власти, и от руководства политических партий, и от средств массовой информации, какими бы самостоятельными и объективными они себя не считали. И в данном случае демократия многое теряет не только как механизм управления, но особенно как ценность, призванная способствовать как личной, так и коллективной самореализации граждан.

Современная жизнь дала множество доказательств того, что объявленный после разрушения во многих странах тоталитаризма «поход к демократии» сопровождается такими социально-политическими, экономическими и правовыми метаморфозами, которые не только не приближают общество к истинной демократии, но еще больше отдалают от нее. Если приклеивание режимом демократических ярлыков сопровождается политическим бессилием и безволием новоизбранных правителей в реализации декларируемых ими государственных преобразований, подменой экономических реформ бесконечным и бесплодным словоговорением об их важности, беспомощностью новых властей противостоять исступленному национализму, этнически-религиозному фанатизму, перерастающему подчас в экстремизм, ужасающим межэтническим войнам, нарастанию социальной напряженности в обществе в связи с резким ухудшением жизни людей, феноменальной неспособностью правительственных структур противостоять все более разъедающим общественный организм коррупции, преступности и терроризму – все это свидетельствует лишь о том, что «демократические» подделки скомпрометировали этикетку.

В данном случае, при всей ясности звучания универсальных демократических девизов, зафиксированных в конституциях

самых разных стран и провозглашающих власть народа и во имя народа, тем не менее, как справедливо было подмечено на Международном форуме «Культура и демократия», «на практике нигде не засвидетельствована работающая народная власть, осуществляемая повседневно и непосредственно всей совокупностью граждан. Даже в маленьких горных кантонах Швейцарской конфедерации граждане сходятся теперь на свои «земельные собрания» не чаще одного раза в год, а в промежутках делегируют свои суверенные права представителям, которые уполномочены решать текущие дела» [4].

Ныне сложились две конкурирующие школы в трактовке демократии. Сторонники первой из них рассматривают демократию не с позиций народовластия, а как чистый механизм управления государством с господством закона, различного рода юридических установлений, что дало повод некоторым исследователям называть это формальной, процедурной демократией. Такая демократия, понимаемая как метод, недостаточно учитывает человеческий фактор. Один из участников Международного форума «Культура и демократия», Клаус Оффе, отметил, что достоинство такой демократии заключается не в использовании власти во имя коллективной выгоды и коллективного прогресса, а, напротив, в обуздании власти, опасный разрушительный потенциал которой представляется более реальным, чем ее конструктивные обещания [4]. Сторонники же второй школы рассматривают демократию в большей степени через культуру, чем систему институтов, усматривают в ней не столько институциональное устройство, сколько ценность, проект общества, способствующий как личной, так и коллективной самореализации граждан. Нередко такую демократию называют «сущностной», «демократией прогресса». В данном случае оценочные приоритеты не за правилами и процедурами, по которым функционирует демократия, а за реальными результатами, которых добивается правительство, каковы бы ни были, в конечном счете, методы достижения этой цели, что в свою очередь создает достаточный запас власти и для политических элит.

Однако в классической дихотомии между демократией, трактуемой как ценность, и демократией, понимаемой как метод, нет разделительной линии, категорический императив здесь неуместен и неприемлем. Ведь демократия как ценность, какими бы высокими не были ее этические устремле-

ния, не может функционировать без совокупности конституционных норм, равно как и демократия как метод, в котором «процедурный» аспект берет верх над проекцией эгалитаризма, не может выполнить свое предназначение, не опираясь на многие опорные точки «человеческой сферы» [5]. Поэтому в данном случае нередко крайне трудно определить «чистые» приоритеты индивидуальной свободы, так как демократия всегда разрывается между двумя императивами – поощрять индивидуализм и в то же время бороться с ним, каждый раз осуществляя это под самыми благородными демократическими лозунгами и девизами. От этого дуализма не удалось уйти, например, Вольтеру, который, демонстрируя свое предпочтение просвещенным деспотам перед фрондировавшими тогда против министров Людовика XV парламентариями, писал: «Я бы охотнее повиновался великолепному льву, который рожден превосходящей меня силою, чем двум сотням крыс одного со мною вида».

Приходится принимать во внимание и нередко проявляющиеся в сфере демократии случаи культурного релятивизма. Классическим примером может служить поведение Юлия Цезаря, который для того, чтобы еще более уверенно отгеснить галлов и германские племена в варварский мир, осмотрительно признавал некоторые их странное достоинства. А за персидскими симпатиями Монтескье и очаровательными турецкими сценками Мольера четко просматривалась убежденность авторов в том, что уделом для «экзотических» стран является деспотизм и анархия.

Эксперты по «политической инженерии» включили в постоянный обиход и понятие «коммерческой демократии», которая экспортируется наиболее развитыми странами во все концы мира. Экономический эгоизм богатых стран в данном случае проявляется в том, что, не ставя задачу помочь найти развивающимся странам панацею от любой экономической несамостоятельности, они пытаются насаждать свое понимание демократии и свободы на иной, не характерной для этих богатых государств, почве. В результате получается некий полуфабрикат демократии, ее искаженное подобие. Зависимость (в результате недостатка отечественного капитала) от иностранных инвесторов или кредиторов, невозможность контролировать курсы национальных валют и противостоять колебаниям цен и квот, определяемых промышленно развитыми

странами, полнейшая зависимость от финансовых и торговых механизмов транснациональных структур – все это в сочетании с экономической отсталостью ряда стран, их хронической задолженностью и устойчивой неплатежеспособностью, бедностью их природных ресурсов, неотработанностью управленческих структур на микро- и макроуровне является убедительным доказательством как того, что в данном случае означает «экономическая демократия», так и того, что может скрываться в таких случаях за политическим протекционизмом в скрытой или явной форме.

В этом контексте исключительно важное теоретическое и социальное значение приобретает проблема соотношения демократии и бедности. В самом деле, как могут соотноситься у изголодавшихся людей их демократические устремления и нетерпение выйти из длинного тоннеля нищеты. В данном случае чрезвычайно трудно найти однозначные ответы. Анализ всей совокупности объективных условий и субъективного фактора приводит к логичному выводу: демократия в условиях бедности может развиваться не столько в результате навязываемых из-за рубежа стандартов свободы и равноправия, какими бы полезными они ни были, а благодаря, прежде всего, внутреннему потенциалу страны – ее демократическим традициям. Исключительно важную роль здесь играют отработанность собственных государственных механизмов демократических преобразований, не склонное к произволу правительство, более или менее сбалансированные отношения между различными ветвями власти, наличие интеллектуальной элиты, способной взять на себя генерирующую функцию в расширении и укреплении в обществе демократического плацдарма [6]. И здесь опять-таки на первый план выходит проблема культуры в самом широком ее смысле.

Демократические принципы, представляющие собой своеобразный якорь спасения в борьбе против угнетения, развернувшегося в мире, и неопределенности свободы, имеют, с одной стороны, универсальный характер, их правомерность признается повсеместно и единодушно, на национальном уровне и в целом всем мировым сообществом. С другой же стороны, под воздействием современных политических реалий в универсальную демократизацию с ангельским лицом сегодня никто не верит. И дело не в проявляемом в таких случаях нигилизме, а в признании того неоспоримого факта, что

демократическая гражданственность имеет много различных концепций содержания и форм демократии в силу, по крайней мере, таких важнейших обстоятельств. Во-первых, на формы демократии каждого государства сильно воздействует исторический и культурный опыт народа; поэтому ни одна модель, ни один рецепт не могут применяться повсеместно механически. Во-вторых, у молодых, становящихся на ноги демократий не одинаковые исходные базовые возможности, разнородна социальная почва, на которой они произрастают. В-третьих, было бы глубочайшим заблуждением верить в «автоматизм» функционирования добрых и благородных демократических механизмов, считать демократию панацеей от всяческих бед, некоей чудодейственной прививкой против различных форм тоталитаризма, тирании и диктатуры. Более того, не только не может быть «автоматизма» по продвижению вперед, но нередко после широкообъявленного «демократических преобразований» происходят и отступления назад к новым формам «культурно обусловленной» недемократии – деспотизму, нарушению норм национального и международного права. Это несет угрозу региональному и глобальному миротворческому процессу. И, наконец, в-четвертых, изначальное аннексирование понятия «демократия» некоторыми «экзотическими» режимами («ограниченная демократия» в исполнении генерала Франко, «мускулистая демократия» Пиночета, преступно-криминальная демократия Ро Дэ У и т. д.), многими партиями и движениями, постоянно опирающимися в своей деятельности на силовые методы, применение насилия – все это превращает демократию в свою противоположность, в свой антипод.

Непростой как в теоретическом, так и практическом плане, оказалась и проблема субъекта в демократизации международных отношений, что к «культуре мира» имеет самое непосредственное отношение [7]. Ныне, наряду с традиционным суверенным государством, которое в свое время фактически в единственном числе монопольно занимало эту нишу, в качестве равноправного субъекта выступают обладающие не меньшим, а в ряде случаев и большим, чем национальные государства, влиянием межправительственные организации ООН, а также именуемые ныне международные «несуверенные учреждения» типа Всемирного банка, Международного валютного фонда и Парижского клуба, сила воздействия которых на международную политику не тре-

бует особых доказательств. В этом контексте в качестве суверенного субъекта выступают и осуществляющие экономическую и политическую интеграцию структуры континентального масштаба (например, Европейское сообщество) со своими собственными правовыми механизмами. Влиятельным субъектом международной политики выступают и различные неправительственные организации, добровольно взявшие на себя заботу не только по оказанию срочной гуманитарной помощи в «горячих точках» планеты, но и по осуществлению отдельных программ содействия развитию.

Каждая демократия утверждается в конкретной стране, тесно связанной сложными нитями политического, экономического, социального, гуманитарного бытия со всем мировым сообществом. И если внутренние противоречия и трудности демократизации воздействуют на определенную заданность в формировании имиджа демократичности или недемократичности той или иной страны, то мировое окружение, в свою очередь, выступает своеобразным встречным потоком, способствующим или не способствующим демократическим преобразованиям на национальном уровне [8]. И здесь возникает множество вопросов – лежащих, что называется, на поверхности, и запряганных в сложных хитросплетениях мировых связей, в лабиринтах транснациональных влияний. К примеру, концентрация капитала в руках небольшой группы наиболее развитых государств, а также интернационализация экономических, торговых и денежных потоков привела к тому, что в ряде случаев (и это происходит довольно часто) решение многих вопросов не зависит от воли национального общества.

Теперь не только руководители многих латиноамериканских, африканских и азиатских, но и европейских государств отсечены от принятия решений глобального характера, принимаемых Всемирным банком, МВФ и другими надгосударственными структурами, им ничего больше не суждено, как узнавать о мировых новостях на биржевом финансовом рынке, складывающейся валютной конъюнктуре из средств массовой информации. Наличие же интеграционных межгосударственных структур, обеспечивающих согласование политики и интеграцию экономики, не может быть в данном случае адекватным противовесом в силу того, что интеграционные структуры укреплены, прежде всего, в богатых странах, а в других государствах они опять-таки влачат жалкое

существование. Именно поэтому на пороге XXI в. не только не реализовалась прекраснородушная вера в возможность «третьего мира» подняться на более предпочтительную, если уж не первую, то хотя бы вторую экономическую ступеньку, но, более того: образовавшийся в постсоветское время «второй мир» в лице стран СНГ и некоторых восточноевропейских государств явно движется – по темпам и характеру экономического развития, решаемости социальных проблем, прочности национальной безопасности – в сторону «третьего мира», постоянно выпрашивая кредитные подачки у правофланговых нового международного экономического порядка.

Важнейшей стороной демократизации международных отношений является установление более равноправных отношений между суверенными государствами, достижение полного равенства между ними. Именно такая демократизация мирового порядка решающим образом воздействует на укрепление миротворческого потенциала на планете, налаживание мирного диалога для разрешения тех межгосударственных противоречий, которые потенциально могут усиливать противостояние между странами и приводить даже к вооруженному столкновению, усиление миротворческого имиджа молодых демократий, стремящихся решать возникающие противоречия и конфликты (как внутри страны, так и вне ее) не конфронтационными и милитаристскими средствами, а при помощи социального диалога, национального согласия и гражданского консенсуса.

Но и здесь возникает много сложных проблем, которые при поверхностном их рассмотрении кажутся простыми и легко разрешаемыми. В числе их – проблема достижения полного равенства государств. В отличие от принципа «один человек, один голос» в международной практике ныне господствует юридическая формула «одно государство, один голос». Но провозглашенные лозунги об абсолютном равенстве всех государств и народов доказывают свою ограниченность, а в ряде случаев и фикцию уже при первом столкновении с реалиями международной жизни. Если рассуждать не с абстрактных, а с реальных позиций, то никакого равенства быть не может, условно говоря, между затерявшимся в горах гималайском королевстве Бутан, многие жители которого до сих пор не знают, что такое телевизор, и соседствующим гигантским Китаем, или между островом Фиджи и США. Но в дан-

ном случае существенную роль играет не только то, крошечная ли это страна или она с населением в несколько сот миллионов, а то и свыше миллиарда человек. Вряд ли проявлением демократичности будет и то, если на одну доску ставить страну-миротворца и государство, которым управляет диктаторское, воинственно настроенное правительство.

Неслучайно поэтому, что, несмотря на формальное провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН такого абсолютного равенства, она, вместе с тем применяет и соответствующие ограничители. Пример тому – Совет Безопасности, постоянными членами которого являются только великие державы, в том числе и Россия. *Они-то и делают политическую погоду в ООН. И все-таки это тоже* не выход из положения. Альфа и омега демократизации мирового порядка – демократизация самих национальных правительств, в деятельности которых господствовали бы принципы миротворчества, демократии и гуманизма. После получения странами «третьего мира» большинства в международных организациях своеобразие острых разногласий между Севером и Югом проявилось в том, что многие из этих стран обладают демократической легитимностью уже вследствие своего численного преобладания по отношению к численному меньшинству стран «старой», «устоявшейся» демократии.

Не только разными, но и принципиально непохожими оказались предпосылки для демократических преобразований «либеральных» и «обычных» диктатур в латиноамериканских и средиземноморских странах, бывших коммунистических режимов в Восточной Европе, государств на нынешнем постсоветском пространстве. Беда еще и в том, что «культурному предрассудку» Запада отвечает симметричный предрассудок тех, кого подвергают сентиментальному остракизму. Человек Севера скромно решил, что не имеет права и неспособен навязывать другим политическую модель, которая, на его взгляд, годится только для него самого. А человек Юга и Востока не остался в долгу: он принял бичевать империализм, прикрывающийся правами человека, и противопоставил им, например, право ислама, единственно способное, как он считает, уважать его ценности.

Серьезную угрозу демократии представляет непримиримый фундаментализм. Факт, что ныне мировое сообщество постоянно высказывает справедливую и обо-

снованную озабоченность в связи с ростом исламского фундаментализма, не должен преуменьшать дестабилизирующего воздействия и других форм фундаментализма – индуистского, христианского, агрессивного этнического интегризма, сионизма, неистового национализма. Фундаментализм в любой сфере – конфессиональный, национально-этнический, идеологический – приводит к нарушению демократических принципов жизни. Так насаждается воинственная нетерпимость, противопоставление людей иной веры и иных идейных взглядов, сеется между ними подозрительность, недоверие, враждебность. Опасность же этих проявлений во стократ возрастает тогда, когда они осуществляются под благородными духовными знаменами, благовидными миротворческими лозунгами и сопровождаются гуманистической риторикой.

На упоминавшемся Международном форуме «Культура и демократия» констатация факта, что перед лицом подобного разгула дурных инстинктов демократический идеал выглядит безоружным, сопровождалась таким признанием: «Так и хочется взять вместо него какой-нибудь другой идеал, использующий значительно более жесткие, силовые методы, применение которых, кстати, нельзя исключить, если существованию народов будет грозить действительная опасность. Однако этот идеал свободы и плюрализма представляет собой единственное стойкое и по-настоящему действенное лекарство против возврата к худшему, как в международных отношениях, так и во внутренней политике». И далее: «Единственным мыслимым противоядием от взаимного истребления ставших враждебными национальных самосознаний может быть развитие демократической культуры, которая придаст ценность взаимному признанию различных человеческих общностей, как на национальном, так и на международном уровне и представит средства для разрешения конфликтов в мирном, позитивном духе там, где иные идеалы несут с собой смерть».

Все возрастающее значение, как для демократизации международных отношений, так и формирования «культуры мира» имеет солидарность. К сожалению, отрицание трактуемой с позиций идеологизированного классового подхода классовой солидарности привело к неоправданному, нигилистическому отношению и к солидарности социально оправданной и необходимой с позиций развития, солидарности, способствующей разрешению назревших проблем, в том

числе и приданию новому мировому порядку не декларативного, а более конкретного, гуманистического вектора. Введение же в научный оборот категории «сознательно разделенной солидарности» позволяет трактовать солидарность, в частности, между богатыми и бедными странами не патерналистски, а с позиций равноответственности разных сторон, основанной на зрело обдуманной всеобщей взаимозависимости людей и обеспечении для них всех социальных, экономических, политических и правовых возможностей сотрудничать не в качестве вечных жертвователей или пожизненно обвиняемых, а равноправно и солидарно. Как отмечается в преамбуле Устава ЮНЕСКО, мир должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

В свете изложенного требует нового осмысления и гуманитарная помощь. При всем ее великодушии, нравственном благородстве необходимо отметить и негативные моменты, связанные именно с проблемой культуры демократии: она не только отражает неравенство, но нередко и поощряет его, закрепляя категорию опекаемых в их постоянном статусе; она нередко формирует между дающими помощь и ее принимающими отношения зависимости, неравенства и неправопорядка; обездоленные же, лишённые возможности дать в ответ на помощь хотя бы что-то, страдают от унижения. Главное же – такая помощь не решает проблему глобального голода и нищеты по существу, а лишь демонстрирует силу сильных и слабость слабых. Поэтому особой заботой мирового сообщества должно быть создание всех условий для повсеместного утверждения солидарности, которая основывается на взаимности, на расчете, в лучшем смысле этого слова, а не на филантропических побуждениях по отношению к бедным.

А для этого как раз и необходимо сознательно «разделить» солидарность адекватно реальным возможностям задействованных в этом процессе сторон. Воплощаться же такая солидарность должна, прежде всего, в экономической, социальной, технической сферах, защите окружающей среды, помощи беженцам и переселенцам.

Демократия, основанная на системе ценностей, соединяющих миролюбие и гражданскую ответственность, воздействует плодотворно на «культуру мира» и благодаря воспитанию у людей толерантности – неагрессивному поведению, антиподу насилия. Цементирующим фактором формирования

такой поведенческой модели выступают демократическая гражданственность, согласие и социальное примирение, основанные на чувстве ответственности и главенстве общего интереса. И в данном случае воспитание в духе прав человека понимается не как простая передача абстрактных знаний, а как обучение методам участия в реализации основополагающих принципов прав человека.

Воспитание толерантности включает в себя довольно сложную гамму взаимоотношений личности и общества, гражданина и власти. На Международном форуме «Культура и демократия» в связи с этим отмечалось: «Суть идеи в том, что демократия основывается на медленном приобретении терпимости и осознании своих пределов: ведь демократическое правительство не может решить всех вопросов и ценно скорее своей природой, чем результатами деятельности, которая не обязательно оказывается во всех отношениях лучше, чем при нелиберальном правлении. Между тем эта логика терпения вступает в противоречие с нетерпением масс, которые стоят на пороге свободы: ясно, что для них представляет ценность не столько она сама, сколько внезапное волшебное изобилие, которое они ждут от него».

«Культура мира» в контексте развития культуры демократии в рамках мирового порядка включает в себя и объективное понимание характера демократии: присущи ли ей воинственность, агрессивность, применение силы, наконец, склонность к войне, а если присущи, то какова «философия» такой воинственной демократии. К сожалению, во всей новейшей истории нельзя найти «чистого» миротворческого примера,

когда классическая демократия, в том числе и американская, английская, французская, не применяла бы военную силу, как в альянсе ряда стран, так и самостоятельно в тех точках планеты, где, по собственным представлениям руководителей данной страны, пролегают ее национальные интересы (война Англии за Фолклендские острова, американские авиаатаки на Ливию, а позже на Ирак и т. д.).

Соотношение между демократичностью и воинственностью в политике демократических государств получило своеобразное толкование на Международном форуме «Культура и демократия». «Дело в том, – отмечалось там, – что демократические общества признают как права, так и обязанности человека, и по этой причине они могут представить своим гражданам и солдатам больше доводов в пользу того, что надо сражаться за кажущееся им правым дело. С другой стороны – хотя это пример, отнюдь не достойный подражания, – стремление сохранить внутренний мир может подтолкнуть демократические страны к экспорту насилия, к некоей воинственной игре с ничейным исходом. Более того, к сожалению, выясняется, особенно сегодня, что прошедшая в странах молодой демократии либерализация политической жизни привела не только к развитию свободы слова. Слишком часто такая либерализация выявляла и делала еще более взрывоопасной напряженность во взаимоотношениях некоторых этнически разрозненных стран, обострившуюся до такой степени, что это привело к беспощадным гражданским войнам...».

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека: 45-я годовщина 1948–1993 гг. Париж, М., 1994.
2. Декларация и программа действий в области культуры мира (принята 53-й сессией ГА ООН 13.09.1999) // Декларация о культуре мира и программе действий в области культуры мира: Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН (53-я сессия). Нью-Йорк. 1999.
3. Адамс Д. История концепции культуры мира // Культура мира и демократии. М., 1997.
4. Ги Эрмэ. Культура и демократия. ЮНЕСКО. 1994.
5. Роль институтов гражданского общества в демократизирующихся политических системах. М., 2007.
6. На пути к культуре мира и ненасилия. М., 1998.
7. Костин А.И. Миропорядок и глобальная политика // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. 22–24 ноября 2012 г.
8. Красин Ю.А. Модернизация социума и демократия // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. 22–24 ноября 2012 г.

INTERACTION OF THE CULTURE OF PEACE AND THE CULTURE OF DEMOCRACY AS THE KEY CHALLENGE OF THE RENEWING WORLD ORDER

Introduction. The article explores democracy as an indicator of the «quality» of the culture of peace, the whose conceptual framework is defined in the documents of the UN and the UNESCO. The internal organic nature, interdependence and interconditionality of the culture of peace and democracy is revealed. The consideration of peace, development and democracy as the integral parts of a single whole but not as autonomous elements provides a holistic approach to the concept of “the culture of peace».

The culture of democracy is one of the most important factors in building the culture of peace. Many politicians and analysts rightfully called the end of the twentieth century «the time of democracies,» since democracy involving in its orbit an increasing number of states is acting as a world-wide process now.

Materials and methods. The methodological basis of the research is based on the general scientific and special methods of cognition of political and social phenomena and processes: the method of system-structural analysis, the method of synthesizing socio-legal phenomena, the comparative legal method, the formal-logical method, the statistical method.

Results of the study. In the development of the culture of peace the role of the state is extremely important, it has the primary responsibility for ensuring respect for and protection of human rights and fundamental freedoms, for establishing democratic principles and achieving harmony in relations between society, man and environment, for affirming creative cooperation among all partners of civil society .

Democratization is a complex and fragile, often hardly manageable process in which demo-

cratic romanticism alternates with a gloomy rigid false democracy, progressive progress with discouraging retreat, acute contradictions between political and socio-economic rights, between freedom and justice.

Direct democracy in the form of referendums is not always effective, since the relapse of anti-democracy that can come from both the incumbent authorities and the leadership of political parties and the media, no matter how independent and objective they may consider themselves, is constantly manifested in societies with unsettled democratic traditions, unsmoothly running democratic mechanisms, confrontation between the legislative and executive powers and the weak political culture of citizens.

Discussion and conclusions. Democracy based on a system of values connecting peace and civil responsibility as well as through teaching people to be tolerant - non-aggressive behavior, the antipode of violence - affects fruitfully on the «culture of peace». Democratic citizenship, harmony and social reconciliation based on a sense of responsibility and the primacy of common interest act as a cementing factor in the formation of such a behavioral model.

Alexander Kapto.,
 Doctor of Philosophy, Chairholder of the
 UNESCO Social Studies and Humanities
 Department, head of the Political Analysis and
 Strategic Evaluation Department, Institute of
 Social and Political Studies, Russian Academy
 of Sciences

Ключевые слова:

культура мира, культура демократии, развитие, права человека, непримиримый фундаментализм, нравственная солидарность, миролюбие, гражданская ответственность.

Keywords:

culture of peace, culture of democracy, development, human rights, irreconcilable fundamentalism, moral solidarity, peacefulness, civil responsibility.

References:

1. 1994. Vseobshchaia deklaratsiia prav cheloveka: 45-ia godovshchina 1948–1993 gg.[Universal Charter of Human Rights]. Parizh, Moscow.

2. 1999. Deklaratsiia i programma deistvii v oblasti kul'tury mira (priniata 53-i sessiei GA OON 13.09.1999) [Declaration and Program of Work in the Sphere of Culture of Peace]. *Deklaratsiia o kul'ture mira i programme deistvii v oblasti kul'tury mira: Ofitsial'nye otchety General'noi Assamblei OON (53-ia sessiia)*[Declaration of the Culture of Peace and the Program of work in the Field of Culture of Peace]. N'iu-Iork.
3. Adams D., 1997. Istoriia kontseptsii kul'tury mira [History of Concepts of Culture of Peace]. *Kul'tura mira i demokratii* [Culture of Peace and Democracies]. Moscow.
4. Gi Erme., 1994. Kul'tura i demokratiia [Culture and Democracy]. IuNESKO.
5. 2007. Rol' institutov grazhdanskogo obshchestva v demokratiziruiushchikhsia politicheskikh sistemakh [Role of Civil Society Institutions in Emerging Democratic Political Systems]. Moscow.
6. 1998. Na puti k kul'ture mira i nenasiliia [Towards Culture of Peace and Non-Violence]. Moscow.
7. Kostin A.I., 2012. Miroporiadok i global'naia politika [World Order and Global Politics]. *VI Vserossiiskii kongress politologov «Rossiia v global'nom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeistvii»*. Materialy. 22–24 noiabria. 2012 goda [VI All-Russia Congress of Political Scientists "Russia in the Global World: Institutions and Strategies of Political Collaboration. Materials. 22-24 November 2012].
8. Krasin Iu.A., 2012. Modernizatsiia sotsiuma i demokratiia [Modernization of society and democracy]. *VI Vserossiiskii kongress politologov «Rossiia v global'nom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeistvii»*. Materialy. 22–24 noiabria 2012 [VI All-Russia Congress of Political Scientists "Russia in the Global World: Institutions and Strategies of Political Collaboration. Materials. 22-24 November 2012].